

Бобла, И.М., Макавчик, И.Ю. Становление государственной системы специального образования в Советской Беларуси (1919-1940 гг.) / И.М.Бобла, И.Ю. Макавчик // Специальная адукацыя. – 2010. – № 5. – С. 56-67.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ (1919-1940 гг.)

Аннотация: в статье раскрыты особенности становления государственной системы специального образования в Советской Беларуси (1919-1940 гг.).

Ключевые слова: дети с особенностями психофизического развития система специального образования Республики Беларусь развитие системы специального образования.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР В 20-30-е гг. XX в.

Становление системы специального воспитания и обучения «аномальных» детей в БССР в значительной мере осложнилось тем, что в первые годы Советской власти в Белоруссии не имелось ни одного специалиста–дефектолога. Одни из организаторов дореволюционных учреждений для детей с нарушением зрения, слуха и речи на территории Белоруссии умерли (М.Я.Нисневич, И.У.Зданович, И.О.Васютович), другие из старых работников школ по разным причинам прекратили свои занятия с «аномальными» детьми (С.О.Окунь-Нисневич, И.В.Георгиевский, К.С.Болтуць, Р.В.Слиозберг и др.). В связи с этим данной проблемой занимались случайные люди, которые не понимали и не ценили высокого значения специальной школы для «дефективных» детей ни с моральной, ни с общегосударственной точек зрения. Они смотрели на нее исключительно с точки зрения своего личного благополучия: не они были для школы, а школа – для них.

Попытки комплектовать педагогический состав школ и детских домов для «дефективных» детей выпускниками педагогических техникумов, прошедшими кратковременную практику в специальных школах, не всегда оправдывали себя. Для решения проблемы подготовки квалифицированных кадров дефектологов в начале 20-х гг. в вузы РСФСР были приняты первые стипендиаты НКП БССР. Подготовка белорусских кадров сурдо-, тифло- и олигофренопедагогов началась на краткосрочных курсах «по детской дефективности» в Москве. В качестве инструкторов в школу глухонемых и во вспомогательную школу г.Витебска неоднократно приезжали русские сурдопедагоги И.А.Васильев, Л.И.Языкова, Е.П.Белоусова и специалисты по олигофренопедагогике. Для организации воспитания и обучения слепых и глухонемых детей в Минск в 1923-1924 уч.г. были приглашены тифлопедагог

П.Н.Захаров и сурдопедагог Н.Д.Языков, при активном участии которых в БССР осуществлялось становление различных типов и структур спецшкол, шел активный поиск оптимальных методов отбора учащихся и комплектования учебных групп, методов воспитания и обучения слепых и глухонемых, определение содержания их профессионально-трудовой подготовки. НКП УССР выделил молодых сурдопедагогов П.И.Голикова, В.И.Новицкого и специалистов по ремесленному обучению слепых.

Большую роль в обмене опытом работы и в подготовке кадров для спецшкол БССР в 1926 г. сыграли командировки руководителей этих учреждений в другие республики.

С 1927 г. НКП БССР практиковал систематическое оформление заявок дефектологическим вузам РСФСР на молодых специалистов в области сурдо-, тифло-, олигофренопедагогики и логопедии – по 5 человек в год.

Большая заслуга в организации логопедической помощи детям и взрослым в БССР принадлежит логопеду Минского психоневрологического диспансера Е.И.Фридман и логопеду Витебского института умственно отсталых детей М.И.Крупницкой, прибывшей по заявке Наркомпроса БССР в 1928 г. из Ленинграда. Работу по обучению умственно отсталых детей в школе №31 города Минска в 1927 г. возглавила одна из стипендиаток НКП БССР, выпускница Московского медико-педологического института С.З.Шишова.

Наряду с подготовкой кадров дефектологов в вузах Москвы и Ленинграда, в БССР изыскивались и местные возможности. Необходимость этого особенно остро осознавалась руководителями специальных учреждений для «аномальных» детей. Так, заведующий институтом глухонемых в Мстиславле С.Д.Дешкевич в 1926 г. писал Наркомпросу БССР, что пополнение кадров учителей для глухонемых молодежью, не имеющей сурдопедагогического образования и сурдопедагогической практики, бесполезная трата средств. «Жизнь заставит органы просвещения в самом скором времени открыть новые школы для глухонемых, позднооглохших, тугоухих детей и переростков...». В записке предлагалось готовить сурдопедагогов при педагогическом техникуме в г. Мстиславле, где институт глухонемых мог бы стать опорной базой практики. С.Д.Дешкевич считал возможным отобрать 30-40 слушателей из студентов IV курса, прочесть им курсы истории сурдопедагогики, профилактики глухонемоты, психологии глухонемых, методики обследования, воспитания и обучения детей с нарушением слуха, обеспечить будущим сурдопедагогам практику в детском саду и школе института глухонемых. И все это за 430-440 часов в год: по 12 часов в неделю, из которых 6 часов выделялось на теорию и по 3 часа на уроки и конференции. Это позволило бы, по мнению С.Д.Дешкевича, пополнить институт глухонемых подготовленными кадрами и создать резерв сурдопедагогов при дальнейшем расширении сети учреждений для детей с нарушением слуха.

Идея создания кафедры сурдопедагогики при Мстиславском педтехникуме была поддержана органами образования. Однако позже было

признано целесообразным кафедре сурдопедагогики открыть при педагогическом факультете Белорусского государственного университета, так как образование педтехникума недостаточно для сурдопедагога. С.Д.Дешкевич, предлагавший свои услуги по созданию кафедры сурдопедагогики при БГУ, подчеркивал, что «в дальнейшем этой кафедре суждено будет разрастись в дефектологическое отделение педфака, откуда выйдут настоящие руководители по сурдо-, тифло- и олигофренопедагогике».

Предложения С.Д.Дешкевича частично были реализованы. В 1929 г. в Мстиславском педтехникуме из числа студентов IV курса была создана группа «сурдистов». Выпускники ее работали в институте глухонемых, а позже – в ряде новых школ для глухих детей в БССР.

В июле 1931 г. было принято постановление об организации на базе отдельных факультетов БГУ самостоятельных институтов. На базе педагогического факультета БГУ был создан Белорусский государственный высший педагогический институт с тремя факультетами: социально-экономическим, литературно-лингвистическим и педолого-педагогическим. На последнем из них предлагалось иметь и **дефектологическое отделение**. Однако в 1931 г. прием студентов был произведен только на педологическое и инспекторское отделения. Осенью 1932 г. был объявлен набор и на дефектологическое отделение. Но фактами, подтверждающими деятельность этого отделения, мы не располагаем. Скорее всего, дефектологическое отделение в 1932 г. не было открыто из-за отсутствия специалистов по дисциплинам дефектологического профиля. Во всяком случае, после закрытия педологического отделения в связи с постановлением 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов», педолого-педагогический факультет стал называться педагогическим с отделениями дошкольной и школьной педагогики.

Большой интерес в 30-х гг. вызвала и проблема подготовки кадров тифлопедагогов. По данным профессора-офтальмолога Минского медицинского института С.Д.Каминского, в БССР насчитывалось 2-2,5 тысячи детей с нарушением зрения в возрасте 7-15 лет, что вызывало озабоченность медицинской общественности. Наряду с расширением офтальмологической помощи населению БССР, С.Д.Каминский считал важными условиями успешной работы по предупреждению и преодолению слепоты широкое привлечение к этой проблеме учительской общественности и продуктивную организацию воспитания и обучения слепых и слабовидящих детей.

Полемизуя о том, где и как лучше обучать слепых, С.Д.Каминский отдавал предпочтение совместному обучению слепых со зрячими с самого начала поступления в школу и до конца обучения. Он считал необходимым в курс подготовки учителей массовых школ ввести знания, которые позволили бы им обучать слепых. Вместе с этим, по мнению С.Д.Каминского, на данном этапе это было еще нереальным.

Высокая оценка познавательных и профессионально-трудовых возможностей слепых, осуществление в республике всеобщего обучения грамоте в условиях ограниченности специальных школ для слепых побудили Белорусское общество слепых внести свой вклад в проблему воспитания и обучения данной категории детей. Так, Центральное правление БелОС поручило выпускнику Минской школы слепых И.М.Волчку написать *пособие «Методы и приемы обучения слепых»*, которое было издано в 1935 г. на белорусском языке. Брошюра адресовалась широким кругам учительства и вообще грамотным людям БССР, которые пожелают заняться обучением взрослых слепых. В ней популярно излагались методы и приемы обучения слепых по разделам: «Как читают и пишут слепые» (по системе Луи Брайля), «Обучение слепых чтению и письму» (основные принципы методики обучения слепых грамоте по звуковому аналитико-синтетическому методу), «Обучение слепых арифметике».

Врач Л.А.Кливленская предлагала привлекать кадры для обучения слабовзрячих из среды опытных преподавателей массовой школы, хорошо владевших методикой и словом, со стажем не менее 5 лет. Краткосрочные курсы (6-8 недель) для ознакомления с методикой работы и учебными пособиями, для прослушивания некоторых специальных дисциплин, по мнению Л.А.Кливанской, дадут возможность педагогам успешно преподавать в специальных классах для слабовидящих.

Придерживаясь такого же мнения, НКП БССР, по договоренности с НКП РСФСР и Научно-практическим институтом специальных школ и детских домов, начиная с 1936 г., организовал ежегодную курсовую подготовку и переподготовку работников специальных школ БССР разных профилей в Ленинграде, а также на базе ведущих спецшкол республики. Так, в Мстиславском институте глухонемых ежегодно в июне работали 2-3-х недельные курсы сурдопедагогов. При Витебском пединституте в 1934-1936 гг. работали очно-заочные 2-годичные курсы для педагогов вспомогательных школ. На базе Витебского института умственно отсталых детей в 1935 г. был проведен семинар учителей и воспитателей вспомогательных школ, которым руководил профессор А.Н.Граборов. В 1939 г. в Мстиславле работали месячные курсы повышения квалификации работников специальных школ. Для чтения лекций и проведения практических занятий привлекались как местные наиболее квалифицированные педагоги-дефектологи так и сурдопедагоги РСФСР. Безотказными консультантами белорусских сурдопедагогов были Ф.А.Рау и Н.А.Рау. Тифлопедагоги БССР работали в тесном контакте с дефектологами Ленинграда.

Многие работники специальных школ заочно обучались на дефектологических отделениях и факультетах во 2-ом МГУ, ЛГПИ им. А.И.Герцена, МГПИ им. А.И.Бубнова, в Московском дефектологическом институте.

С началом Великой Отечественной войны большинство педагогов-дефектологов БССР стали в ряды защитников Родины, активно участвовали в партизанском движении. Многие из них больше не вернулись в родные

школы. От рук фашистов погибли директор Гродненской школы слепых И.Н.Черепов, директор Бобруйской школы глухонемых Б.И.Григорьев, учителя Мстиславской школы слуха и речи В.И.Шершнева и Гомельской школы глухонемых И.И.Петровский и др.

Школьные работники, оставшиеся в оккупации с «аномальными» детьми-сиротами, прилагали все усилия, чтобы сохранить своих подопечных: собирали у населения одежду и продовольствие, организовывали походы детей по полям в поисках остатков картофеля и овощей.

Таким образом, проблема обеспечения кадрами учреждений для «аномальных» детей в Советской Белоруссии в 20-30-х гг. решалась Наркомпросом БССР на основе тесных контактов с Наркомпросом РСФСР путем приглашения специалистов отдельных отраслей дефектологии, направления стипендиатов НКП БССР в вузы Москвы и Ленинграда, оформления плановых заявок на подготовку для Белоруссии сурдо-, тифло-, олигофренопедагогов и логопедов на дефектологических факультетах вузов РСФСР, обучение руководителей и педагогов специальных школ республики на курсах подготовки и переподготовки дефектологов в РСФСР и УССР.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ, ФОРМ И МЕТОДОВ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В БССР

Проблема определения научно-педагогических и методических основ содержания обучения и воспитания подрастающего поколения даже в массовой общеобразовательной школе советского времени вызывала значительные трудности. Тем более сложной была задача определения чему учить и как воспитывать «аномальных» детей, учреждения для которых впервые после революции 1917 г. были включены в общегосударственную систему народного образования. Не случайно, оценивая состояние учебно-воспитательной работы в учреждениях для «аномальных» детей в первые годы Советской власти, Л.С.Выготский заключил: «Революция, перестроившая сверху до низу нашу школу, почти не коснулась специальной школы для дефективных детей. Здесь все еще остается по-старому, если не считать некоторых несущественных изменений, механически возникших в революционные годы».

Руководствуясь «Положением о единой трудовой школе РСФСР», «Основными принципами единой трудовой школы», указаниями В.И.Ленина о содержании образования в советской школе, Наркомпрос БССР стремился и в учреждениях для «дефективных» детей реализовать общее и политическое образование, тесно связанное с производительным трудом, направленное на воспитание коммунистической морали, включающее в себя глубокие и систематические знания из различных отраслей науки.

20–30-е гг. были периодом, когда ещё не подготовленные к работе с «аномальными» детьми педагоги и медработники эмпирически овладевали первоначальными навыками диагностики аномального развития ребенка. Как

отметил Х.С.Замский, в этот период «понятие «дефективность» носило чрезвычайно широкий характер. Предполагалось, что, кроме физической и психической дефективности (слепоты, глухоты и умственной отсталости) существует дефективность моральная, выражающаяся в нарушении норм поведения в обществе, в антисоциальности. Мы не рассматриваем здесь работу с «морально дефективными детьми», хотя и в БССР были специальные приемники, коллекторы, реформаториум и даже «институты социального перевоспитания морально дефективных детей». В условиях идеологической борьбы и «морально дефективные» нередко попадали во вспомогательную школу и даже в школы для слепых и глухонемых.

Все выше указанные факты мешали продуктивной работе специальных учреждений для «аномальных» детей БССР. Поэтому содержание работы в школах для слепых, глухонемых и умственно отсталых детей неоднократно обсуждалось не только на секции учреждений для «дефективных» детей и в отделе СПОД Главсоцвоса, но и на заседаниях и собраниях партячейки НКП БССР, на различных республиканских совещаниях и съездах.

Специальные школы г.Минска в этот период работали по самостоятельно составленным учебным планам и программам, построенным по **принципу предметности.**

Общеобразовательные группы (классы) школы слепых – приговорительная, I, II, III – и ремесленная (для старших воспитанников) приравнивались к трем классам обычной семилетки. Впервые в истории Беларуси в учебный план школы слепых наряду с русским языком, арифметикой, природоведением, географией, музыкой, пением, гимнастикой и трудовой подготовкой был включен белорусский язык как учебный предмет. Основное внимание в работе с детьми уделялось на первых порах формированию у них первоначальных навыков грамоты – чтению и письму по Брайлю и письму по Гебольду.

Относительно хорошо работали в школе учебные мастерские. Инструкторами в них были склонные к педагогической деятельности слепые выпускники Минского училища – М.С.Герасимов (щеточное ремесло) и И.М.Дедович (корзиночное ремесло). Девочки вязали добротные рукавицы, занимались шитьем и другими видами рукоделия.

В Минской школе глухонемых обучение велось на русском языке. Согласно учебному плану школа работала в трех направлениях: обучение глухонемых членораздельной речи, общее и ремесленное образование. Дети по уровню знаний делились на четыре группы: нулевая, I, II, III. Учебный план предусматривал ежедневные утренние занятия по общеобразовательным предметам (язык, арифметика, природоведение, география, история, рисование и гимнастика) и вечерние – по обучению ремеслам: мальчики работали в столярной и сапожной мастерских, а девочки – в швейной.

Стремясь приблизить обучение глухонемых к потребностям детей, педагогический коллектив в 1921-1922 уч.г. пытался внедрить в школе элементы «естественного способа обучения глухонемых речи» П.Д.Енько и

лабораторного метода П.С.Янковского. Но эти попытки не меняли по существу принципиальных основ «чистого устного метода», пронизывавшего всю работу школы, хотя дети на уроках и между собой общались мимикой и жестами. Предметное обучение в школе сохранялось и с приездом в Минск Н.Д.Языкова.

Примерно такими же, судя по отчету учительницы Е.Г.Лебедевой, были учебный план и программа **Витебской школы глухонемых**. Содержание работы этой школы во многом определялось тесной связью ее с сурдопедагогами И.А.Васильевым и А.И.Языковой, которые в 1921 г., неоднократно приезжая в Витебск, знакомили белорусских сурдопедагогов с методами обучения и воспитания глухонемых, проводя показательные уроки и занятия. Положительно сказалось на работе Витебской школы направление сюда в 1922 г. сурдопедагога Е.П.Белусовой, которая в течение трех лет руководила всем учебно-воспитательным процессом.

Работа по воспитанию умственно отсталых детей в БССР в начале 20-х гг. носила очень скромный характер, так как при детских домах для умственно отсталых детей в Гомеле, Могилеве и Минске школ не было.

По мнению заведующей отделом СПОД С.С.Шамардиной, в **Минском детском доме для умственно отсталых еврейских детей** работа несколько оживилась в связи с открытием в 1922 г. психиатром М.М.Слуцкой психологического кабинета – лаборатории по изучению дефективных детей, что способствовало более дифференцированному комплектованию детского дома, выведению из него «морально-дефективных детей». Однако и в 1923 г. состав детей в нем представлял собой очень пеструю массу с колебаниями от едва заметных до глубоких степеней отсталости.

Наиболее продуктивной учебно-воспитательной работой с умственно отсталыми детьми в эти годы отличалась **Витебская губернская вспомогательная школа-интернат**. Особой чертой этой школы, по воспоминаниям ее заведующей М.Н.Ерасовой, были «ласковость, приветливость, гостеприимство, доброжелательность, а также в полном смысле детская жизнерадостность». Школа ставила своей целью «поднятие интеллекта умственно отсталых детей, развитие их сенсорной культуры, а также обучение в подходящей для них обстановке со специальным индивидуальным подходом к каждому». В основу воспитания и обучения в школе была положена программа Ленинградской вспомогательной школы А.Н.Граборовова. Наряду с ней учитывалась и программа массовой школы, так как некоторые воспитанники, по-видимому, педагогически запущенные дети, «по мере развития и поднятия интеллекта безболезненно переходили в нормальную школу». С 1923-1924 уч. г. в школе уже вводились элементы комплексного преподавания. В плановую работу школы была введена сенсорная и моторная культура. Для развития внешних чувств и движений использовались пособия и приборы М.Монтессори. Проводились занятия по психологической ортопедии. При поступлении в школу каждый ребенок подвергался психологическому обследованию для выяснения степени его отсталости и определения в соответствующую группу. В течение года дети

обследовались повторно по разным методам (тесты А.Бине, «профили» Г.И.Россолимо и др.). В организационно-дидактическом отношении дети разделились на 3 группы (класса): I-я (дошкольная), II-я и III-я.

В школе, по заключению М.Н.Ерасовой, осуществлялась «полнейшая связь педагогики по детской дефективности с педагогикой социального воспитания». При этом учитывалось, что «то, что нормальный ребенок схватывает на лету, то умственно отсталому приходится преподносить в самом конкретном систематизированном виде, ибо круг его представлений очень беден, абстрактные представления и комбинаторные способности почти отсутствуют, и он требует обязательного индивидуального к себе подхода». Воспитание умственно отсталых рассматривалось педколлективом школы как социальное воспитание, но с учетом болезненного состояния детей (нервность, неуравновешенность, расстройство волевых процессов, нарушение координации движений, дефекты характера и т.д.). В преодолении этих нарушений большие надежды возлагались на осуществление в школе строгого медико-педагогического режима.

В целом же в 1919-1924 гг. в БССР не наблюдалось активного развития учреждений для «дефективных» детей, так как белопольская оккупация, голод и усиленный рост беспризорности тормозили этот процесс.

В 1924-1925 гг. НКП БССР приступил к **пересмотру и уточнению учебных планов и программ** школы слепых и вновь созданных институтов для глухонемых и умственно отсталых детей с учетом комплексных программ ГУСа.

В 1925-1926 уч.г. для каждой группы школы слепых, по оценке П.Н.Захарова, программы были составлены так, «чтобы дать детям не обрывки знаний по различным учебным предметам, а жизненно полезные знания, добытые путем наблюдений, рассуждений и опыта, прагматически и коррелятивно связанные между собой в одно целое, в умственный кругозор ребенка». Данные программы отличались от программ ГУСа «лишь постольку, поскольку отсутствие зрения, литературы для слепых и нужных учебных пособий не позволяли точно выполнить их. С другой стороны, профессионально-ремесленный уклон в обучении (с 15 лет дети переходят в ремесленный класс) и индивидуальные особенности слепых в отношении их духовных сил и умственных способностей заставляли преподавателей концентрировать сообщаемые знания, чтобы дать детям возможность в каждой группе получить более или менее законченный круг познаний». При этом подчеркивалось, что в «нулевой группе» использовался исключительно комплексный метод преподавания с опорой на имеющиеся наглядные пособия и наблюдения за ближайшим окружением. В последующих группах преобладало систематическое предметное обучение с использованием лабораторного метода.

В качестве основных предметов в учебном плане для **школы слепых** значились: фребелевские занятия, русский и белорусский языки, математика, естествознание и физическое воспитание – в 0-й группе, география,

обществоведение и пение – в I – II группах, политграмота – в III. Во всех группах изучались ремесла, а в IV - только ремесла, если не считать клубных занятий.

Совершенствованию учебных планов и программ в учреждениях для «аномальных» детей БССР способствовало постепенное осознание школьными работниками идей Л.С.Выготского о социальном характере воспитания глухих, слепых и умственно отсталых детей. Так, практикантка школы слепых Е.А.Лисицкая в письме Наркомпросу БССР, опираясь на статью Л.С.Выготского «К психологии и педагогике детской дефективности» (1924г.), резко осуждала стремление учителей школы слепых превратить учащихся в книжные шкафы или ходячие энциклопедии, нерациональное использование времени, отведенного на фребелевские занятия, и настоятельно предлагала распространить общеобразовательные занятия и на ремесленную группу.

В конечном итоге школе было рекомендовано пересмотреть учебный план, активнее внедрять в обучение слепых комплексную систему преподавания на первых годах обучения, повысить вес политграмоты и обществоведения как учебных предметов, создать непосредственно в школе комсомольскую ячейку и пионерские звенья, активизировать детское самоуправление, методическую работу и работу по самообразованию педагогического персонала, перевести преподавание всех предметов на белорусский язык.

Решением педсовета школы фребелевские занятия в 1926-1927 уч.г. были исключены из расписания групповых занятий и включены в содержание внеурочной работы по ручному труду. Переоценка места и роли фребелевских занятий способствовала повышению коррекционно-воспитательной направленности работы со слепыми детьми, так как в процессе занятий ручным трудом сенсорные функции учащихся развивались в более тесной связи с формированием у них высших психических процессов.

Задача **института глухонемых**, по формулировке заведующего институтом С.Д.Дешкевича, состояла в том, чтобы «дать глухонемым Белоруссии высшее для них образование через обучение детей устной речи, грамоте и письменности, подготовить их к самостоятельному труду в таком объеме, чтобы они имели возможность добывать себе средства к жизни, воспитать из глухонемых граждан, способных выполнять те задачи, которые поставлены Октябрьской революцией».

Учебный план **детского сада института глухонемых** на 1926-1927 уч.г. предусматривал в каждой группе ежедневно по 7 часов «учебных занятий». Из них по часу выделялось на такие «предметы», как артикуляция, фонетическое дыхание и ортопедия, голос и слух, ритмика и пластическая гимнастика, речь и письмо, счет, творчество (строительный материал, песок, лепка, рисунок, аппликация). В процессе осуществления «режимных моментов» у дошкольников воспитывались навыки культуры поведения и гигиены, участия в играх и трудовые навыки по самообслуживанию.

В I – IV группах института еженедельно выделялось по 6 часов на «устную речь», по 12 – на «общеобразовательные предметы», по 18 – на физкультуру и труд (ручной – в I – II гр. и ремесла – в II – IV), по 6 часов – на «искусство» (рисование и черчение) - в III – IV группах и по 12 часов «клубной работы».

Даже поверхностный анализ плана обращает внимание на недифференцированность общеобразовательной работы и чрезвычайную учебную перегрузку (54-60 часов в неделю, не считая «клубной работы»).

Обязательными элементами программ института глухонемых были «Фонетическая и психическая ортопедия» и «Фонетическая артикуляция». Основное содержание программ для каждой группы составляла работа над «живой речью».

По мере роста института в нем постепенно укреплялась предметная система обучения, что видно из отчетов учителей и заседаний педсоветов, на которых утверждались планы работы по русскому языку, арифметике, геометрии, природоведению, физике, обществоведению и др.

Триместровые и годовые планы работы **Белорусского института умственно отсталых детей в Витебске** на 1925-1926 и 1926-1927 уч.гг. для дошкольной, I и II групп и группы глубоко отсталых детей, статьи З.Шишовой об опыте работы во вспомогательной школе г. Минска свидетельствуют о том, что в обучении умственно отсталых детей БССР последовательно реализовывалась комплексная система. В планах учителей тщательно разрабатывалось не только содержание отдельных комплексов, но и объем «формальных навыков» по чтению и письму, арифметике, живой и неживой природе и др.

Многие специалисты считали комплексную систему «единственно соответствующим методом обучения и воспитания умственно дефективных детей». Данная позиция получила отражение в статье инспектора учреждений для «дефективных» детей НКП БССР А.Ю.Таубе. Главное достоинство комплексных программ А.Ю.Таубе видела в том, что основой воспитания в них является труд, который обеспечивает «хорошо согласованную работу мозга и мускулов». Признавая необходимость психомоторного и сенсорного воспитания умственно отсталых детей, А.Ю.Таубе неодобрительно отзывалась о системах упражнений А.С.Фельдмана, М.Монтессори, В.П.Кашенко, А.Н.Граборова и др. по психической ортопедии и сенсомоторной культуре, так как они во многом искусственны и оторваны от жизни.

Поддерживая тесную связь с учреждениями для «дефективных» детей, А.Ю.Таубе подготовила и внесла на утверждение Главсоцвоса ряд инструктивных документов, определявших учебно-воспитательную работу этих учреждений: списки литературы по детской дефективности, план характеристики дефективного ребенка, оценку игр, организацию работы по самоуправлению, пионерской и летней работы, целесообразность совместного воспитания детей обоего пола, правила приема детей в

учреждения для «дефективных», принципы работы приемо-отборочных комиссий при каждом из них.

В качестве ближайших задач в деле воспитания и обучения «дефективных» детей отдел СПОД ставил разработку положений об учреждениях для слепых, глухонемых и умственно отсталых детей, учебных планов и программа для них. Свою задачу А.Ю.Таубе видела в том, чтобы уточнить систему и структуру республиканских учреждений и совершенствовать методическую работу в них, особенно в плане общественно-политического воспитания «физически дефективных и умственно отсталых», преодоления замкнутости и изолированности их от внешнего мира. Планирование учебно-воспитательной работы в учреждениях для «дефективных» детей она стремилась строго согласовывать с новейшей педагогической мыслью. Особое внимание при этом уделялось методике полового и трудового воспитания «дефективных» детей, формам и видам труда, подведению производственной базы под мастерские в учреждениях для слепых, глухонемых и умственно отсталых детей, перспективам расширения сети этих учреждений.

По инициативе А.Ю.Таубе в план изданий по Главсоцвосу на 1927-1929 гг. были включены сборник статей «Опыт работы детских домов и учреждений для дефективных» и программ учреждений для «дефективных» детей.

Но свершиться этим планам было не суждено: в марте 1927 г. методические секции были ликвидированы, работа по подготовке программ к изданию была возложена непосредственно на педколлективы специальных учреждений.

В 1927 г. Наркомпрос РСФСР утвердил **положения об учреждениях** для глухонемых, слепых и умственно отсталых детей и подростков, а в дальнейшем издал и **сборники специальных программ** для вспомогательной школы (1927 г., 1928 г.) и школы глухонемых детей (1929 г.), программы и методические записки школы для слепых (1928 г.). Эти документы в значительной мере унифицировали содержание обучения в учреждениях для «дефективных» детей СССР. Тем не менее педколлективы учреждений БССР, учитывая местную специфику, продолжали поиски путей совершенствования содержания, форм и методов обучения и воспитания «физически дефективных и умственно отсталых» детей.

Прежде всего необходимо было решить вопрос о месте белорусского и русского языков в обучении «дефективных» детей.

На основании постановления ЦИК БССР от 4 февраля 1921 г. Наркомпрос БССР разработал мероприятия, обеспечивающие возможность всем национальностям республики получать образование и воспитание на родном языке (подготовка учителей, издание школьных учебников на национальных языках, план перевода школ на родной язык преподавания). В октябре 1921 г. Главсоцвос БССР уведомил отделы народного образования, что во всех 7-летних школах БССР «вводится обучение в первых трех группах исключительно на белорусском языке». Здесь же оговаривалось, что

русский язык как учебный предмет вводится с четвертого года обучения, что в школах национальных меньшинств обучение должно вестись на материнском языке этого меньшинства, а белорусский язык вводится как обязательный предмет с четвертого года обучения. В дошкольных учреждениях всю работу рекомендовалось вести исключительно на материнском языке.

Уже в сентябре 1926 г. Наркомпрос БССР докладывал национальной комиссии ЦИК БССР, что полная **белорусизация учреждений для «дефективных» детей** практически невозможна, так как эти учреждения в БССР незначительны по количеству и охватывают воспитанием и обучением детей всех национальностей, которые проживают в Белоруссии. Однако белорусский язык в этих учреждениях был введён как обязательный предмет, на белорусский язык переводилось и делопроизводство этих учреждений.

Руководство **Белорусского института глухонемых в Мстиславле** вопреки неоднократным напоминаниям инспектуры НКП БССР о переводе обучения глухонемых на белорусский язык упорно отказывалось рассматривать русский язык в качестве второго после родного языка и отстаивало необходимость и целесообразность обучения и воспитания глухонемых «только на русском языке», мотивируя это интересами глухонемых детей, интернациональным составом учащихся в институте и отсутствием специальных учебников для глухонемых на белорусском языке.

Во вновь открытых школах для глухонемых обучение тоже велось только на русском языке как языке межнационального общения. Эта тенденция распространилась в БССР в послевоенные годы и на другие типы специальных школ для «аномальных» детей.

Перевод обучения в школе слепых и вспомогательных школах БССР на белорусский язык повышал доступность изучаемого материала детям белорусской национальности, но создавал дополнительные трудности учителям этих школ, особенно в период обучения детей грамоте, так как издание специальных учебников на белорусском языке затруднялось неразвитостью полиграфической базы республики и малочисленностью спецшкол в БССР. Приходилось использовать учебники, изданные на белорусском языке для массовой школы.

Большую помощь школе слепых оказал минский инженер Б.Ф.Силин, наладивший печатание учебников на белорусском языке рельефным шрифтом.

Учителя института глухонемых также вынуждены были приспособлять учебники массовой школы, так как до 1930г. из специально созданных для глухонемых учебников в институте был только букварь Ф.А.Рау и Н.А.Рау.

Становление специального обучения и воспитания «аномальных» детей в БССР сопровождалось уточнением и решением ряда общих для дефектологии проблем, касающихся содержания общего, трудового и политехнического обучения и воспитания детей.

Первые годы работы школы слепых, институтов для глухонемых и умственно отсталых детей в БССР характеризовались установками на **ремесленно-кустарные формы обучения в мастерских** этих учреждений – щеточной и корзиночной в школе слепых, швейной, сапожной и столярно-токарной – в институтах для глухонемых и умственно отсталых детей. Однако по мере апробации содержания, форм и методов обучения и воспитания отдельных категорий аномальных детей взгляды на систему обучения и воспитания их уточнялись и изменялись.

Уже в 1926 г. остро обсуждался вопрос о том, какими должны быть **мастерские в институте для умственно отсталых детей**. Наркомпрос БССР, учитывая ограниченные возможности умственно отсталых детей к продолжению образования, рассматривал мастерские института как основную его базу, позволяющую «дать в руки умственно дефективных ремесло для самостоятельной жизни по выходе из учреждения». Поэтому инспектор НКП БССР А.Ю.Таубе, ознакомившись с работой мастерских, заключила, что необходимо учить всех воспитанников изготовлению в мастерских новых изделий, реорганизовать мастерские в производственные и перевести их на самокупаемость. В мастерских рекомендовалось практически прорабатывать весь материал, изучаемый теоретически в школе. Однако работники института (М.Ерасова, А.Климук и др.), ссылаясь на опыт Москвы, Ленинграда, Одессы и на свою практику, отстаивали необходимость учебно-производственных мастерских в институте, расценивая производственные мастерские для умственно отсталых детей как идеал, к которому, может быть, надо стремиться. Пока же в институте немало детей, которых вряд ли удастся приспособить к какой-либо работе. Вызвало возражение и требование охвата мастерскими всех учащихся, включая малолетних, без предварительного медицинского отбора.

Сурдопедагогов **Мстиславского института глухонемых** тревожило то обстоятельство, что выпускники выходили в жизнь с недостаточно оформленной речью, ограниченным кругом знаний и слабой профессиональной подготовкой. Поэтому в феврале 1930 г. педсовет института, по предложению завуча И.С.Ковалева, принял решение с 1930-1931 уч.г. преобразовать двухгодичный детский сад института в трехгодичный и принимать в него детей не с восьми-, а с пятилетнего возраста, чтобы за те же 10 лет пребывания в институте, опираясь на «сохранившийся еще инстинкт говорения», выпускники овладели «плавной, выразительной речью» и широким кругом знаний, что позволит им, при желании и способностях, получить не только начальное, но и более высокое общее и профессиональное образование. К этому времени относится и постановка в институте вопроса о механизации учебно-производственных мастерских для глухонемых.

Предложения о повышении уровня общеобразовательной подготовки **слепых школьников** исходили чаще всего от самих выпускников школы. Многие из них, выступая на встречах с учителями и учащимися школы, сокрушались, что одни предметы в школе изучаются очень подробно, а

другие (алгебра, физика) совсем не изучаются, а это мешает поступлению в массовую вечернюю семилетку. В поддержании у учащихся школы слепых жажды знаний и стремления к самообразованию большую роль сыграл пример выпускника этой школы Исидора Максимовича Волчка. В 1921 г. он поступил на факультет общественных наук БГУ и свои знания широко пропагандировал среди учащихся школы слепых. Впоследствии И.М.Волчок, один из организаторов Белорусского общества слепых, окончил аспирантуру, работал преподавателем на рабфаке, а затем доцентом кафедры истории КПСС Минского пединститута имени А.М.Горького.

Определяя перспективы обучения и воспитания слепых детей в БССР, заведующий школой П.Н.Захаров в статье «Школа слепых: прошлое, настоящее и будущее» (1929 г.) предлагал обучать слепых вместе со зрячими в единой школе с момента, когда слепые познакомятся со шрифтом Брайля, научатся читать и писать. Трудовое обучение и воспитание слепых, по мнению П.Н.Захарова, должно быть менее политехническим, начинаться в школе слепых на основе индивидуального подхода и особых методов обучения, а завершаться на тех предприятиях, которые заинтересуют старшекласников.

Офтальмолог С.Д.Каминский предлагал рассматривать проблему воспитания и обучения слепых со стороны обучения общим предметам и политехнического обучения, приспособляющего слепых к разнообразным работам. Мысль о спецшколах для слепых представлялась ему «реакционной». Лишь в качестве временной меры С.Д.Каминский допускал деятельность двухгодичной специальной школы с целью обучения слепых грамоте и подъема уровня культуры детей с последующим переводом их в массовую школу. Что касается политехнического обучения, то, по мнению С.Д.Каминского, «абсолютным исключением для слепых можно считать только занятия, связанные с транспортом». Наиболее перспективными для незрячих он считал ВУЗы, готовящие специалистов по общественным наукам, педагогике, плановиков, судей и т.д., но подходящими для них могли быть и некоторые ВТУЗы. Заключение С.Д.Каминского находило подтверждение в практической деятельности слепых в БССР. В 1934 г. в средних и высших учебных заведениях республики только на филологических и исторических факультетах БГУ и пединститутов обучалось вместе со зрячими 25 выпускников школы слепых.

Существенное влияние на содержание, формы и методы учебно-воспитательной работы в учреждениях для «аномальных» детей БССР оказали постановления ЦК ВКП/б/ о школе: «О всеобщем обязательном начальном обучении» (25 июля 1930 г.), «О начальной и средней школе» (5 сентября 1931 г.), «Об учебной программе и режиме в начальной и средней школе» (25 августа 1932 г.), «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (4 июля 1936 г.), а также постановления СНК СССР и ЦК ВКП/б/ «О структуре начальной и средней школы» (15 мая 1934 г.), «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» (3 сентября 1935 г.). С учетом этих

постановлений учебные планы и программы специальных школ приводились в соответствие с требованиями коммунистического воспитания - в первую очередь, лишь затем - с возможностями «дефективных» детей.

Доказательством вышеизложенного, может служить письмо, полученное Н.К.Крупской в 1934 г. от воспитанников **Витебского вспомогательного института**: «У нас есть школа с шестью классами, швейная, столярная и сапожная мастерские. Мы учимся в школе и мастерских. Имеется пионеротряд, состоящий из 41 пионера и 22 октябрят. В этом году хорошо подготовились к началу учебного года. Сами отремонтировали свои классы, сделали себе 60 новых парт, пошили всем ребятам костюмы и ботинки. За это время у нас не было ни у кого прогула в школе. Учимся мы на «очень хорошо», «хорошо» и «удовлетворительно». Есть ребята, которые получают «неуд». Мы им помогаем, помогают им учителя и воспитательницы.

За летнее время приготовили дрова для школы и интерната на всю зиму; сами их распилили, высушили и сложили. С огорода собрали столовой и кормовой свеклы 6 тонн, морковки, капусты и других овощей 4,5 тонны. Наш огород маленький, но мы его все лето хорошо досматривали. За образцовую подготовку к учебному году школы и хорошую постановку работы коммуны мы, дети, добились права 6 ноября рапортовать наркому просвещения БССР и председателю Центральной детской комиссии при ЦИК о своих достижениях ко дню 17-й годовщины Октябрьской революции...

Мы, дети разных национальностей: русские, белорусы, евреи, украинцы, поляки, латыши и китайцы, но дети единого класса – пролетариата, живем по заветам нашего любимого наставника Владимира Ильича и неуклонно выполняем Ваши указания о хорошей учебе, дисциплине и труде и обещаем Вам к концу учебного года добиться усвоения учебного материала на «хорошо» и «очень хорошо», научиться грамотно писать, сохранять в целостности и чистоте школьное имущество и этим самым решения ленинской партии о школе ударно выполнить...»

Не меньшей политической направленностью отличалась и воспитательная работа с глухонемыми и слепыми учащимися. К началу 30-х годов в **институте глухонемых и в школе слепых** действовали не только пионерские звенья и октябрятские группы, но и ячейки ЛКСМБ. Учащиеся Могилевской школы слепых принимали участие в работе по коллективизации села и в проведении посевных кампаний путем посылки в деревню специальных бригад, члены которых выступали с докладами о преимуществах коллективного хозяйства и с концертами самодеятельности. Шефская работа в деревне проводилась и глухонемыми учащимися (оформление изб – читален и красных уголков, помощь беднейшему населению в летних сельхозработах, выступления с концертами самодеятельности).

Более глубокий анализ содержания, форм и методов учебно-воспитательной работы в учреждениях для «аномальных» детей БССР в 30-е годы затрудняется тем, что в архивах республики не сохранились документы,

отражающие конкретную практику работы спецшкол и органов народного образования в этот период.

В целом же можно заключить, что содержание, формы и методы обучения и воспитания «аномальных» детей в БССР претерпевали изменения, характерные для всех других союзных республик. Решение этих проблем в БССР затруднялось нехваткой квалифицированных кадров дефектологов, ограниченными материальными (полиграфическими, в частности) возможностями республики, не всегда оперативным и квалифицированным методическим руководством учреждениями для детей с отклонениями в развитии. Но даже в этих условиях многие педагоги учреждений для «дефективных» детей БССР стремились согласовать работу по комплексным программам с формированием «живой речи» у глухонемых, с развитием пространственной ориентировки у слепых, с коррекцией познавательной деятельности у умственно отсталых детей и отдавали предпочтение предметной структуре преподавания, согласование общеобразовательной подготовки с трудовым обучением и воспитанием «аномальных» детей.

Поступательное развитие специального обучения и воспитания «аномальных» детей в Советской Белоруссии было прервано в 1941 г. в связи началом Великой Отечественной войны.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУ

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ